

П. В. АННЕНКОВ О ЩЕДРИНЕ

Сообщение С. Ма к а ш и н а

Предлагаемая вниманию читателя небольшая заметка о Щедрина, принадлежащая П. В. Анненкову, сохранилась в его бумагах, находящихся ныне в ИРЛИ. Документ до сих пор оставался неизвестным в печати, по крайней мере в русской. Такая оговорка необходима потому, что содержание заметки не оставляет сомнения в том, что она была написана специально для какого-то иностранного и даже точнее — французского журнала. Об этом свидетельствует, например, вступительное указание заметки на то, что «Европа еще не знакома с этим именем», и особенно попытка автора отыскать во французском языке выражение, адекватно раскрывающее содержание щедринского образа «ташкентцы». В статье, адресованной русскому читателю, такие указания и пояснения были очевидно не нужны. Заметка сохранилась в автографической и притом черновой рукописи, не отделанной для печати, а возможно и неоконченной. Все это дает основание предполагать, что текст рукописи, написанный по-русски, не был никогда переведен на французский язык, а стало быть не был и напечатан во французской печати. Во всяком случае, в указателе критической литературы о Щедрина на иностранных языках, составленной автором этих строк на основании детального обследования основных литературных журналов эпохи (см. ниже в этой же книге), статья Анненкова не зарегистрирована.

Приблизительная дата документа определяется содержащимися в нем указаниями: «последний сборник Салтыкова носит название «Помпадуры». Отдельное же издание цикла «Помпадуры и помпадуриши» вышло в 1873 г. почти одновременно с «Господами ташкентцами», также упоминаемыми в заметке, следующая же книга Щедрина «Благонамеренные речи» вышла лишь в 1876 г. (всюду имеются в виду отдельные издания названных произведений). Таким образом, заметка могла быть написана только в период 1873—1875 гг. и скорее в начале его, чем в середине или конце.

Публикуемая статья носит в согласии со своим первоначальным назначением преимущественно информационный характер. Сколько-нибудь значительным вкладом в критическую литературу о Щедрина она конечно не является, да и не претендует на это значение. Интерес статьи в другом. Она заслуживает быть отмеченной как первая хотя и не осуществившаяся попытка русской критики познакомить с творчеством Щедрина иностранного, европейского читателя.

Что же хотел сказать Анненков этому читателю о своем знаменитом соотечественнике? Какие стороны щедринской сатиры стремился он в первую очередь показать?

Умереннейший либерал в области общественных вопросов, с явными симпатиями к упорядоченному буржуазному обществу, Анненков в своей статье красит в ту же краску и Щедрина. Требование «признания идеалов гражданского существования, уже действующих в образованном мире» и обличение во имя этого признания «нравственных уродливостей... извращенных понятий и злых страстей» русской действительности — вот к чему сводятся и чем ограничиваются по мнению Анненкова сущность, назначение и задачи всей деятельности Щедрина. Дать в 70-е годы такую характеристику щедринской сатиры, да еще для заграничной прессы, где можно было писать без оглядки на цензурное ведомство, мог только человек далекий от понимания Щедрина и совершенно чуждый социально-политическим установкам щедринского творчества. Таким человеком

и был Анненков особенно в тот поздний свой период, к которому и относится публикуемая статья. Еще в 1866 г. он писал Фету: «Увы! бессмертная эпоха русской поэзии прошла и бог знает, вернется ли когда-нибудь... Поэтическая струя исчезла и из европейской литературы, замучила ее проклятая политика; признаюсь откровенно, все эти вопросы политико-экономические, финансовые, политические — внутренне несколько меня не интересуют»¹. Не интересовали Анненкова и «политико-экономические» вопросы русской действительности, которые так глубоко и страстно волновали Щедрина и питали его творчество.

Щедрин для Анненкова прежде всего «замечательнейший юморист», неутомимый лекционер «комических образов», отыскиваемых «в современном русском обществе», и лишь во вторую очередь — сатирик, «цензор нравов, направлений и тайных пороков своей эпохи». Поэтому-то и совершеннейшую из сатир Щедрина «Историю одного города» Анненков квалифицирует как «собрание рассказов» юмористического характера, а ее героев — как «уморительных экземпляров городских правителей». В этом нарочитом подчеркивании категории юмора и одновременном снижении и замалчивании боевой публицистичности щедринской сатиры Анненков оставался верен традициям эстетической школы 40—50-х годов. (Дружинин, Боткин и т. д.), к которой он примыкал. Анненков всегда защищал против эстетической теории разночинцев теорию чистого искусства. Но этой теории нечего было делать со Щедриным. Она могла лишь, оставаясь последовательной, «выбрасывать» его из художественной литературы. Только вклектизмом, присутствующим Анненкову, да личным долготелением связям со Щедриным следует объяснить пусть своеобразные, но высокие оценки, данные «туристом эстетиком» в полной мере чужому и непонятному для него писателю.

Укажем в заключение, что публикуемая заметка является второй критической статьей Анненкова о Щедрине. Первая в форме развернутой рецензии на сборник «Сатиры в прозе» появилась (без подписи) в № 3 «Библиотеки для Чтения» за 1863 г., вторая под названием «Русская беллетристика и г. Щедрин» была напечатана в том же 1863 г. в «СПБ. Ведомостях» (№ 85, стр. 74).

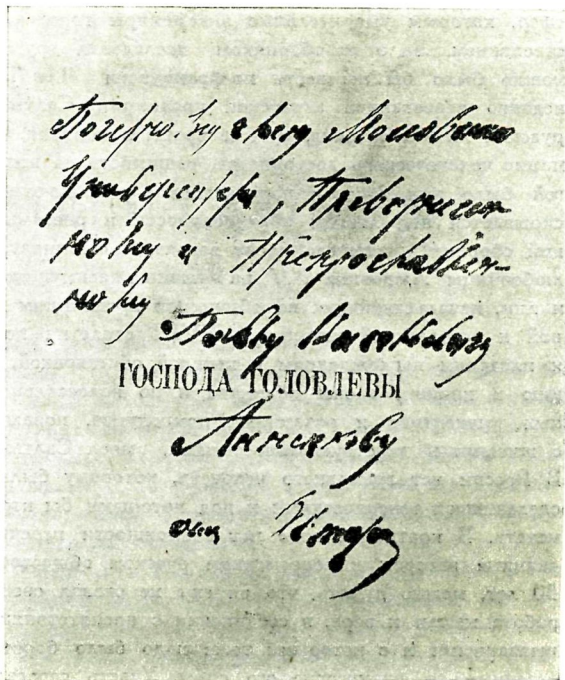
[СТАТЬЯ П. В. АННЕНКОВА О М. Е. САЛТЫКОВЕ]

М. Е. Салтыков, получивший такую громадную известность в России под своим литературным псевдонимом Надворного Советника Щедрина, принадлежит к числу замечательнейших юмористов и сатириков своего времени. Европа еще не знакома с этим именем², да вряд ли, даже когда и познакомится с ним в переводах, способна будет вполне уразуметь всю сущность тех нравственных уродливостей, тех чисто национальных русских физиономий, извращенных понятий и злых страстей, которые облачаются Салтыковым с нестывающим никогда гневом и с юмором, не знающим усталости и ослабления. Уже с первого своего очерка в 1848 г. «Запутанное дело», появившегося в одной из русских журналов³, Салтыков обнаружил особенную точку зрения на нравственное положение русского общества, далеко не похожую на официально принятую, что и послужило предлогом к выслаке автора из Петербурга в одну из отдаленных северных губерний, именно в Вятскую.

Молодой писатель, однако же, не потерялся в этом страшном заколудьи, в котором пробыл до конца прошлого царствования 7½ лет. Он очутился там посреди целого мира административных злоупотреблений, взяточничества, подкупов, общего бесправия; он собрал все черты этой мрачной картины в одну книгу «Губернские очерки», положившую основание его репутации в 1857 г. Книга явилась сперва по частям в одном московском журнале того времени «Русский Вестник» и изумила всех своим появлением, упрочив вместе с тем и существование журнала. Столько было в ней типов, характеров и происшествий, поражавших своей чудовищной оригинальностью и ярко освещенных светом самого откровенного и самого беспощадного юмора, что появление ее в русской печати понималось всеми, как знамение нового времени. Действительно, книга была предтечей и предвестием скорых коренных реформ в русской жизни и в русской администрации, впоследствии и осуществленных нынешним царство-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЭКЗЕМПЛЯ-
РА «ГОСПОД ГОЛОВЛЕВЫХ» С
ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
САЛТЫКОВА П. В. АННЕНКОВУ

Институт Русской Литературы,
Ленинград

ванием. Мало того, что «Очерки» Салтыкова или его двойника Щедрина были допущены к печати, но сам автор их вскоре очутился на административном поприще. Бывший изгнанник и suspect⁴ прежнего режима призван был занять очень важный пост вице-губернатора в одной из населеннейших старо-русских губерний, но тут, как и при всех дальнейших его похождениях на политической арене, оказалось, что противодействие среды, куда он попал, превышает силы одного человека, какой бы энергией на борьбу с застарелым злом он ни был вооружен. Салтыков покинул неблагоприятное поприще, где успех еще более зависит от хладнокровного выбора оружия против врагов, а врагов он встретил даже и в собственном административном лагере, — чем от решительности итти прямой дорогой к цели и требовать ото всех признания идеалов гражданского существования, уже действующих в образованном мире.

Покинув службу, он весь отдался литературной деятельности, сатирическому творчеству своему, и плодом этого было создание такого множества комических типов из разнообразных слоев русского общества, такой анализ почвы и атмосферы, их воспитавшей, что деятельность его представляет теперь нечто вроде многосложной юмористической картины, столь же замечательной по остроумию, веселости и комическому таланту, сколько и по внутреннему своему смыслу. Замечательно, что сделавшись цензором нравов, направлений и тайных пороков своей эпохи, Салтыков-Щедрин дает все свои заключения, приговоры и выводы не иначе, как в форме живого рассказа, смешной, но глубоко выразительной личности, описания недепого строя мысли, порождающего нелепейшие решения и поступки, отчего все статьи автора носят двойной характер: юмористического произведения и важного этнографического документа. Вот почему многочисленные поклонники Салтыкова совершенно правы, когда утверждают, что веселые книги его представят со временем будущему исследователю русского общества такое же серьезное свидетельство, как и любой исторический памятник. В последнее время, после многих публикаций, являвшихся одна за другой, с 1860 по 1869 г. Салтыков издал (1870) собрание своих рассказов под заглавием «История одного города», где на лице начальников бедного городка сатирически проследил различные тенденции — деспотические, энциклопедические, мистические, реформатские высших общественных

сфер, которым уморительные экземпляры городских правителей обязаны своим существованием. За этим сборником последовал другой «Ташкентцы» — заглавие, которое можно было бы перевести по-французски «Les Tachkents universels», так как именем недавно завоеванной азиатской провинции Салтыков обозначает большинство чисто русских людей, сохраняющих ее нравы и понятия, грубость всего строя мысли, непонимание человеческого достоинства, решимость на всякого рода насилие. Не малой заслугой было при этом и поразительное разоблачение того, что у русских ташкентцев скрывается под лоском образованности и цветами европейской цивилизации. Последний сборник Салтыкова носит заглавие: «Помпадуры». Автор перенес имя знаменитой любовницы Людовика XV на мужчин, преимущественно на современных губернаторов и лиц, начальствующих по обширным провинциям империи, отождествляя их с распутной и всевластной женщиной XVIII столетия по страсти их к наживе, склонности к плотским наслаждениям с пышной обстановкой, по, капризному деспотизму, презрению к низшим слоям общества и по колоссальному невежеству. И сколько различных ташкентцев и различных помпадуров, поражающих своим косвенным сходством с живыми и действующими типами, вывел Салтыков перед глазами своих читателей! В России нет грамотного человека, которому были бы неизвестны эти наименования, сделавшиеся генерическими и под которыми бы кто-либо не знал, что следует подразумевать. В кратком очерке нет возможности перечислить все комические образы, отысканные автором в современном русском обществе. Судя по тому, что ему не более 50 лет, можно думать, что он еще не сказал своего последнего слова, хотя усиленная работа мысли и пера, в соединении с препятствиями, наговорами и озлоблениями, ими вызванными и с которыми тоже надо было бороться, — уже подорвали если не нравственные, то физические его силы. Участь серьезного писателя, а особенно сатирика вообще не легка и в Европе, но вряд ли в отечестве Салтыкова она не вдвое тяжелее и опаснее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фет, А. Мои воспоминания. М., 1890 г., стр. 88.

² Указание в общем правильное, но неточное. К началу 70-х годов «Губернские очерки» по крайней мере были переведены на немецкий и английский языки и существовала на этих языках небольшая критическая литература о Щедрине. Подробнее см. об этом в нашем указателе «Материалы для библиографии переводов Щедрина на иностранные языки», печатаемом в этой же книге.

³ «Запутанное дело» напечатанное в 3-й книжке «Отечественных Записок» за 1848 г., не являлось «первым очерком» Салтыкова. Первым его крупным произведением была повесть «Противоречия», появившаяся в 1847 г. в тех же «Отечественных Записках». Вообще же литературные выступления Салтыкова в печати (стихотворения, рецензии) начались в 1840 г. в «Библиотеке для чтения».

⁴ Английское слово «Suspect» можно перевести: подозреваемый, подозрительный (человек).